

Сущностное и аксиологическое познание наркорреальности (наркоугрозы): от наркотизма к наркоконфликту

ЗАЗУЛИН Г.В.

В ходе состоявшегося в Санкт-Петербурге семинара известный ученый из Северной столицы Г.В. Зазулин, основатель новой науки "наркоконфликтологии", представил участникам попытку философского осмысления теории и практики противодействия наркоугрозе в реалиях сегодняшнего геополитического дискурса.

Введение

Почему большинство россиян, в отличие от некоторых ученых и политиков, предлагающих те или иные формы легализации запрещенных наркотиков (Я. Гилинский, Л. Левинсон, В. Менделевич, В. Познер и др.), продолжает считать, что государство обязано бороться с незаконным оборотом наркотиков, а общество может быть свободным от них? Возможно, потому, что они исходят из закона духовного достоинства, наиболее точно сформулированного русским философом Иваном Алексеевичем Ильиным: «Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Чем сильнее и цельнее его вера, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон» [1].

Для обсуждения на семинаре борьбы с незаконными наркотиками на уровне философского обобщения нам необходимо прежде вспомнить, с чего начинается философия. «Философское значение рождается в отношении человека к окружающему миру, когда он задумывается не только о мире в целом, но и о сути вещей природы через каждый отдельный предмет. Иначе говоря, философия начинается с анализа отношений субъекта (S) и объекта (O)» [2]. Речь идет о наличии у любого явления двух сторон. При всем многообразии мира в любом явлении можно выделить две ведущие стороны:

- суть воспринимаемого явления саму по себе;
- ценность воспринимаемого явления для человека, его потребностей.

Как это влияет на такой раздел философии, как теория познания? Выделение двух противоположных сторон в любом едином раскрывает раздвоенность бытия как его естественную природу. С учетом этого складывается изначальное познание мира явлений, формируется теория познания, не отделяемая от учения о раздвоенности, т.е. диалектики. В.М. Жаринов удачно обозначил эти исходные положения на рис. 1 [3].

Эта конкретизация позволяет нам в своих рассуждениях исходить из того, что философия — это наука о познании, сущности и ценности бытия.

Поскольку большинство участников семинара, как и докладчик, не имеет специального философского образования, предлагаю вместо термина *бытие* пользоваться терминами *реальность*, *наркорреальность*. Наркорреальность — это часть реальности, бытия, социума, включающая в себя молодежный наркотизм, наркоманию, наркорынок, наркопреступность, наркотическую контркультуру и т.д. Как отдельная сфера общества наркорреальность может познаваться (и познается!) различными науками, изучающими общество как с точки зрения сущности (например, социологией), так и с точки зрения ценности (например, политологией). Это утверждение обосновывается системой философских наук и структурой философского знания, наглядно представленной на рис. 2 [4].

Мы понимаем, что эта теоретическая конструкция весьма условна, а не абсолютна. Однако с точки зрения всегда присутствующего выбора одного из двух приоритетов в направлении познания изучаемого объекта нам представляется, что данная группировка наук интересна для дальнейших рассуждений. На ее основе можно предположить, что те науки, которые стремятся познать сущность в наркорреальности, приходят к одним результатам, а те науки, которые стремятся познать ценность в наркорреальности, приходят к иным результатам. И только философия может выполнить функцию «...коммуникации между различными дисциплинами, представители которых уже давно не понимают друг друга» [5].

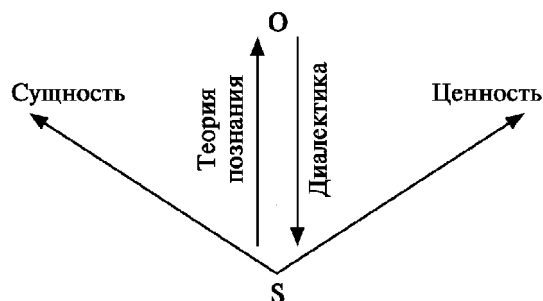

Рис. 1.

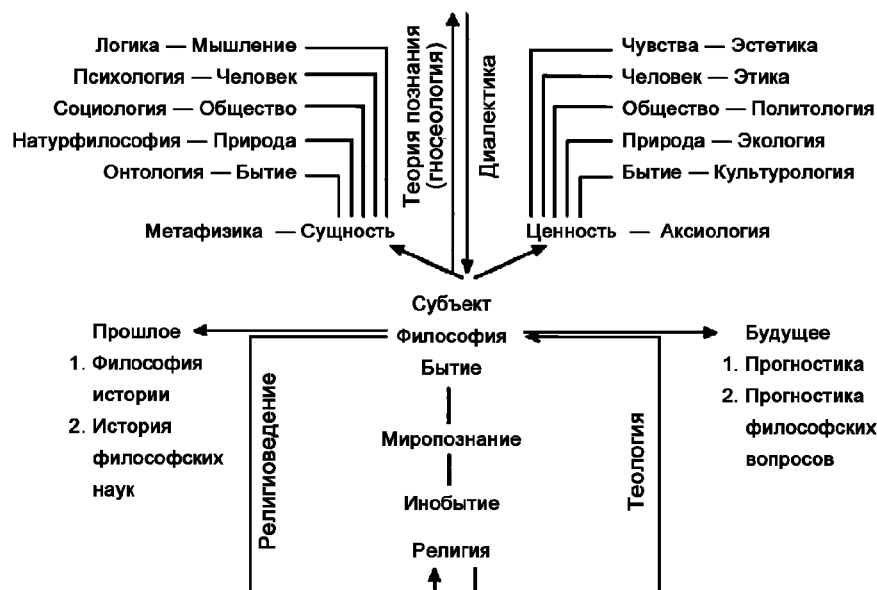

Рис. 2. Система философских наук и структура философского знания

Почему от наркотизма к наркоконфликту?

Многие социологи, изучая наркореальность, познают в рамках социологии только ее сущность. Рассуждения начинаются с собственных представлений о наркотиках, к каковым социологи относят психоактивные или токсичные вещества, систематическое и массовое потребление которых частью населения получило название *наркотизм*, а именно: кофе (в историческом контексте), табак, алкоголь, героин, кокаин и т.д. В итоге формируется следующий понятийный ряд: *наркомания, наркотизм, наркополитика* [6].

Поскольку социологи, исследующие наркотизм, расширяют понятийный ряд в те сферы знаний, в которых не могут быть компетентными, а именно в медицину и политику, то порой их выводы представляют удивительную смесь неконкретности и категоричности, особенно в части прогнозов. «Автор этих строк убежден, что рано или поздно мир придет к необходимости *легализации* всех наркотических средств. Ибо, во-первых, потребление их — это личное дело каждого (так же как потребление вредных для здоровья табака, алкоголя)...» — так заканчивает свою статью «Наркотизм: социальные и криминальные проблемы» доктор социологических наук Я.И. Гилинский [7].

В то же время в этом выводе нет ничего удивительного, если мы сравним понятия *легализация* и *наркополитика*. *Легализация наркотиков* — это изменение законов о наркотических средствах с целью разрешения торговли наркотическими средствами как обычными товарами и их использования в качестве опьяня-

ющих веществ (Jonas Hartelius, 2002 г.). *Наркополитика* — это конфликт между социальными группами, в котором зоной разногласий является власть на право устанавливать правила оборота наркотиков [8]. Наиболее остро этот конфликт проявляется в противостоянии правового государства и криминального наркорынка. Возьмет верх наркорынок над государством — вот вам и легализация. «*Наркополитика* — это и государственная политика некоторых стран, построенная на производстве наркотиков как продукта национальной экономики; это и использование наркотиков как фактически психотропного оружия; это отсутствие внятной и принципиальной борьбы с наркоманией: если нет антинаркотической политики, то автоматически возникает наркополитика, пусть как пассивное признание невозможности справиться с проблемой» [9]. И, чтобы этого не произошло, государство и общество должны усердствовать в осуществлении антинаркотической политики. Ведь наркополитика отдельного государства в условиях глобализации наркорынка всегда рискует стать какой-либо формой легализации того (марихуана как медицинское «лекарство», «лечение» метадоном, комнаты «безопасного потребления» наркотиков и т.д.), что запрещено, по той лишь простой причине, что в мире есть политические и финансовые силы, стремящиеся любыми путями обойти запреты антинаркотических Конвенций ООН 1961, 1971 и 1998 гг.

А возможно ли, изучая наркореальность, познавать ее ценность? Понятно, что надо отказаться от социологии. Но подходят ли для этого экономика или право? Нам представляется, что это *не получается у эконо-*

мистов, так как они тоже познают сущность. «С точки зрения общественной морали, наркомания и связанное с ней рыночное обращение наркотиков, или — наркобизнес, — несомненное зло. Однако, если задаться целью понять экономический механизм и, по возможности, построить теоретическую модель наркобизнеса, придется — хотя бы условно и на время — отказаться от нравственных и социальных оценок этого явления, что не совсем просто, учитывая мощное давление общественного мнения... Рассматривая наркотики как экономическое благо...» — это те исходные основания, с которых исследует наркорреальность Л.М. Тимофеев [10]. И поэтому вполне естественно, что он делает вывод о необходимости «контролируемой легализации наркотиков», передав государству роль наркомафии. Сознательный отказ от ценностного отношения и итог этого закономерны. Многие московские СМИ несколько раз публиковали эти идеи Л. Тимофеева, и вред делу становления антинаркотической политики в России они нанесли несомненный, отодвинув время осознания обществом пребывания государства в наркоконflikте. Понятийный ряд в рассуждениях экономистов, познающих наркорреальность таким образом, можно представить в табл. 1.

Таблица 1

Экономика (как метод)	
Сущность	Ценность
Наркотики	?
Наркобизнес	?
Контролируемая легализация	?

Из-за ориентации на сущность к аналогичным результатам приходят и юристы, изучающие наркорреальность в категориях наркотизма. Однако лучшие юристы интуитивно выявили и зафиксировали конфликтную природу наркорреальности. Вот извлечения из монографии доктора юридических наук Л.М. Прохоровой: «Наркоман всегда находится в конфликте с обществом...», «...конфликт, возникающий в связи с немедленным потреблением наркотиков, всегда обусловлен еще каким-нибудь конфликтом», «конфликт между наркоманом и обществом носит глубокий, хронический, ... труднопреодолимый характер» [11]. Конечно, есть исключения, и отдельные юристы более целостно рас-

сматривают наркорреальность. Ведь, в отличие от социологов и экономистов, они не могут не рассматривать предупреждение наркопреступности как ценность. Например, доктор юридических наук Е.Е. Тонков познает наркорреальность, помня о государстве как о ценности и, на наш взгляд, у него это получается [12]. Понятийный ряд в его рассуждениях о наркорреальности показан в табл. 2.

Однако мы считаем, что само право, например уголовное, в принципе не способно обосновать необходимость прямого или косвенного (через запрет оборота) запрета потребления наркотических средств или психотропных веществ. Ведь в жизни общества имеет место потребление других психоактивных веществ, которые как в рамках культурных традиций, так и без них массово потребляют люди, включая такие, которые вызывают опьянение, например алкоголь.

Поэтому, основываясь на рассмотренной выше системе группирования философских наук, мы считаем, что познавать в наркорреальности ценность могут политологи. Основываясь на собственном опыте, мы уверены, что политологи, познающие наркорреальность на основе теории конфликта, могут анализировать и ее сущность, и ее ценность одновременно. Тогда, в отличие от социологов, их будут интересовать не только социальные функции наркотиков, но и их социально-политическая опасность, которая предстает в России как угроза всем видам безопасности, по своей силе равная оружию массового поражения. Поэтому наркотики для нас — это массовый психоактивный товар, который поступает в незаконный оборот по законам рынка, как правило, из законспирированных источников; потребление которого отдельными группами населения, особенно молодежью, вызывает эпидемию наркомании, а в длительной перспективе формирует наркотическую субкультуру, направленную на разрушение культуры и уничтожение общества. Достаточно отметить, что, по данным ООН, в 2005 г. общемировое незаконное производство опия составило 4620 т. Для сравнения, в 2004 г. было изъято всего 120 т опиатов. Каннабис (марихуана и гашиш) незаконно производится в 40 странах мира. Только изъятие марихуаны в 2004 г. превысило 6 тыс. т, а производство кокаина в 2005 г. составило около 1 тыс. т.

Таблица 2

Право (как метод)	
Сущность	Ценность
Государство	
Наркотизация	?
Политика государственно-правового противодействия наркотизации	

Усилиями кафедры конфликтологии факультета философии и политологии СПбГУ сформированы некоторые представления о наркореальности исходя из теории конфликта. В научный оборот введено понятие *наркоконфликт*, под которым понимаются любые конфликты (политические, идеологические, экономические, социальные, юридические, информационные и т.д.), зона разногласий в которых сущностно связана с наркотиками или формами их контроля. А.И. Стребков определяет понятие *наркоконфликт* как негативный способ взаимодействия индивидов, нацеленных на потребление и на непотребление наркотиков, а тем самым на сохранение или исключение зависимости от них (наркотиков) [13].

Для решения прикладных задач мы на уровне теории группируем все наркоконфликты в 2 типа: конфликты первого и второго порядка.

Наркоконфликты первого порядка — конфликты между участниками, которые, образно говоря, находятся по «разные стороны баррикады», т.е. между теми, кто «за наркотики», и теми, кто «против наркотиков». Это противоборство тех, кто пресекает наркопреступность, с теми, кто участвует в незаконном обороте наркотиков (НОН). Это столкновение интересов живущих в одной семье, в одном доме, городе, в одной стране (т.е. вынужденных взаимодействовать) наркопотребителей с теми, кто не участвует в НОН, и наоборот. Это непримиримый асимметричный конфликт между правовым демократическим государством и наркорынком.

Наркоконфликты второго порядка — конфликты между участниками, которые, образно говоря, находятся по «одну стороны баррикады», например между теми, кто «против наркотиков», но не сотрудничает между собой, когда это сотрудничество необходимо в решении проблем, т.е. пребывает в состоянии негативной (отрицательной) кооперации. Например, практически не выявляются водители, управляющие автомобилями под действием наркотических средств и психотропных веществ (задерживают только потребивших спиртное за рулем), потому что деятельность милиции (ГИБДД) и здравоохранения (наркологической экспертизы) по данному вопросу не согласована на федеральном, региональном и местном уровнях.

На этих теоретических основаниях возможна разработка антинаркотической политики как деятельности, направленной на уменьшение количества активных наркоманов или уменьшение наркопреступности в каждом административно-территориальном образовании. Возможна оценка эффективности антинаркотической политики как инструмент измерения результатов, достигнутых стороной «против наркотиков» в борьбе со стороной «за наркотики». К сожалению, в отличие от социологов, российская политология этой проблематикой до последнего времени не занималась. А ведь создай грамотную *теорию политической борьбы с наркоугрозой*, действуй на практике в соответствии с ней, и, даже если общество не освободится полностью от наркотиков, оно будет иметь достаточно высокий уровень наркобезопасности. Как выглядят основные категории, в которых описывается наркореальность с позиции социологии наркотизма и с позиции политологии наркоконфликта, показано в табл. 3.

Хочется обратиться к участвующим в семинаре сотрудникам отделов межведомственного взаимодействия ФСКН России с призывом: «*Осмысливайте наркореальность в категориях конфликтологии!*» Например, наркоконфликт, стороны наркоконфликта, объект (предмет) наркоконфликта, интересы сторон в наркоконфликте, декларируемые позиции в наркоконфликте, потребности сторон в наркоконфликте, претензии сторон в наркоконфликте, конфликт правового государства и наркорынка, информационный наркоконфликт, идеологический наркоконфликт, каннабисный конфликт, наркоугроза, наркоситуация как показатель силы сторон в наркоконфликте и т.д. И вы постепенно разработаете объективные критерии, а значит, и статистику, необходимую для эффективного антинаркотического управления:

- в чем и насколько стала слабее сторона «за наркотики» в муниципалитете (городе, субъекте Федерации) за отчетный период: 1); 2); 3) и т.д.;
- в чем и насколько стала сильнее сторона «против наркотиков» в муниципалитете (городе, субъекте Федерации) за отчетный период: 1); 2); 3) и т.д.

Сравнение по этим показателям административно-территориальных образований — это путь замены порочной практики подведения итогов работы силовых структур на основе узкой рейтинговой правоохра-

Таблица 3

Социология (как метод)	Политология (как метод)
Сущность	Ценность
Теория девиантного поведения	Теория конфликта
Наркотизм	Наркоконфликт
Наркоэпидемия	Антинаркотическая политика
Легализация наркотиков	Наркобезопасное общество

нительной статистики на широкую социально-экономическую картину, включающую ее в себя в виде нескольких составляющих. Это возможность переориентации работы силовых структур с «палочных» показателей собственной ведомственной статистики на показатели реального успеха в подрыве экономических основ наркобизнеса, обусловленных планомерным выводом молодежи из наркопотребления технологиями приоритета вторичной профилактики наркомании перед ее лечением и административного предупреждения наркопреступности перед ее уголовно-правовым пресечением. Использование социологического понятия *наркотизм* не дает таких возможностей.

Наркоугрозы глазами конфликтолога

Какие у нас есть представления о наркоугрозе? Мы считаем, что понятие *наркоугроза* по своему характеру занимает среднее положение в следующем понятийном ряду: *наркопораженность* — *наркоугроза* — *наркобезопасность*. Полагаем, что эти понятия самым непосредственным образом связаны с тем, что шведский исследователь наркорреальности Нильс Бейерут назвал *экспозиционным давлением наркосреды* (ЭДН) [8]. Под ЭДН он понимал то, что в данный момент времени влияет на выбор индивида принимать или не принимать наркотик. Нильс Бейерут также выделил 7 факторов, от которых зависит ЭДН, и ранжировал их следующим образом:

- 1) друзья, потребляющие наркотики;
- 2) доступность наркотиков (цены);
- 3) отношение СМИ и рядовых граждан;
- 4) действующее законодательство;
- 5) политика государства в этой сфере;
- 6) социальные условия;
- 7) знания о последствиях потребления.

Наш подход заключается в том, что мы предлагаем определить содержание понятия *наркоугроза*, используя для этого понятие ЭДН. Например, *новая наркоугроза* — это такое *новое событие* в жизни общества или индивида (новый закон, новое решение, новый фильм, новая мода, новый сайт, новый друг и т.д.), которое оказывает воздействие на факторы, определяющие ЭДН таким образом, что оно существенно возрастает. Для конфликтолога наркоугроза — это то, что ослабляет сторону «против наркотиков» или (и) усиливает сторону «за наркотики». И, в конечном счете, каждая реализованная новая наркоугроза способствует переходу социума из наркобезопасного в наркопораженное состояние.

В качестве иллюстрации нового подхода приведем несколько примеров наркоугроз в период с 1990 по 2007 гг., показав их связь с факторами, определяющими экспозиционное давление наркосреды.

Пример 1. Наркоугрозой, связанной с фактором 4 (действующее законодательство), следует рассматривать заключение Комитета конституционного надзора СССР №8 (2—10) от 25 октября 1990 г. «О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией», которое отменило Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с наркоманией» от 25 апреля 1974 г. с изменениями от 21 июня 1987 г. и стало основанием для декриминализации антинаркотического законодательства, т.е. исключения из Кодексов (УК и КоАП) статей об ответственности за нахождение в наркотическом опьянении [14].

Пример 2. Наркоугрозой, связанной с фактором 5 (политика государства в этой сфере), следует рассматривать назначение в 1994 г. председателем Правительства РФ Виктором Черномырдиным на должность председателя впервые созданной в Российской Федерации Правительственной комиссии по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и психотропными веществами никогда не работавшего в сфере борьбы с наркотиками и некомпетентного в данной сфере своего заместителя Сергея Шахрая [15]. По мере того, как подобная кадровая политика с федерального уровня копировалась на уровне субъекта Федерации, надежда на то, что межведомственная комиссия обеспечит реальную координацию антинаркотических структур, исчезала. Наступил длительный период декорации и декларирования антинаркотической политики в России.

Пример 3. О наркоугрозе, связанной с фактором 1 (друзья, потребляющие наркотики), можно судить по выдержке из статьи «Из 100 школьников 8 — наркоманы» Насти Устькачкинцевой. «Пермь летом этого года была признана лидером (!) по количеству школьников-наркоманов: 8,2%, т.е. из 100 чел. примерно 8 — наркоманы, а в классе из 25 чел. в среднем 2 ученика употребляют наркотики». Справедливости ради надо отметить, что в это время (1998 г.) один «чек» уличного героина в Санкт-Петербурге стоил всего 60 руб., и учащимся ПТУ достаточно было два раза не пообедать, чтобы иметь сумму денег, достаточную для его покупки (наркоугроза, связанная с фактором 2, — доступность наркотиков).

Такой подход позволяет стороне «против наркотиков» фиксировать появление новых наркоугроз на региональном уровне и эффективно действовать против них, чтобы они не превращали реальность в наркопораженный социум. Продажа в «Доме книги» в Санкт-Петербурге в 2002 г. книги «Психогенные грибы», квалифицированной экспертами как пособие по их выращиванию и потреблению, была прекраще-

на, как только приобретенная нами книга попала к мировому судье, и он назначил административный штраф руководству магазина. Демонстрация в 2004 г. по ТВ-6 пропагандирующего курение марихуаны видеоклипа «Легалайз» в исполнении Кирилла Толмацкого была прекращена, как только сделанная нами запись видеоклипа поступила в прокуратуру Санкт-Петербурга, которая вынесла официальное предостережение продюсеру этого телевизионного канала.

Сегодня новой наркоугрозой является процветание нескольких десятков наркопораженных ночных клубов в Санкт-Петербурге, и от того, удастся с ней справиться стороне «против наркотиков» или нет, во многом зависит вся антинаркотическая политика в нашей стране. Возможно, что это пока не удастся государству потому, что руководители региональных правительств (губернаторы), а соответственно и руководители их структурных подразделений (здравоохранения, образования, СМИ, по делам молодежи и т.д.) находятся в плену ложных представлений о том, что наркотики — это проблема либо здравоохранения, либо федеральных силовых структур. Эти представления устарели, и их замену на адекватные характеру наркоугрозы установки стимулирует новый Указ Президента РФ №1374 от 18.10.2007 г., который не только создал Государственный антинаркотический комитет, но и возложил ответственность за организацию антинаркотической деятельности в регионе непосредственно на первых лиц субъектов Федерации.

Необходимость смены парадигмы

Конфликтологический анализ наркоугроз особенно эффективен, потому что вынуждает органы государственной власти переносить акцент с внешних наркоугроз на внутренние. Здесь уместна аналогия с погодой, заказывать которую люди пока не умеют, так же как не умеет мировое сообщество влиять на государства, имеющие опасную для других стран наркоэкономику (Афганистан, Колумбия, Марокко, Голландия и др.). А поскольку люди не могут отменить дождь, что они делают, когда их застает непогода? Зонты раскрывают. Такими антинаркотическими «зонтиками» должны быть каждая школа, ПТУ, вуз. До этого пока очень далеко, так как сама система образования, без внешней для нее силы в виде государственной политической воли, наркобезопасной никогда не станет. Но, чтобы эти изменения наступили, нам всем необходимо исходить из следующих четырех теоретических оснований:

1) начиная от уровня субъекта Федерации и кончая образовательным учреждением, внутренние нар-

коугрозы представлены не наркотиками, а чиновниками, неспособными предвидеть появление новой наркоугрозы и адекватно усиливать сторону «против наркотиков» или ослаблять сторону «за наркотики»;

2) при ухудшении наркоситуации в любом административно-территориальном образовании следует не искать крайнее ведомство, а исходить из принципа равной ответственности всех ветвей власти за наркоситуацию в регионе, городе, муниципалитете;

3) государственная антинаркотическая политика, не поддерживаемая сетью общественных организаций из активных граждан, не может быть эффективной в принципе из-за сетевой природы наркорынка;

4) теоретическая модель эффективной антинаркотической политики должна состоять из четырех блоков: знания, стратегии, координации и лидеров.

На последнем положении необходимо остановиться более подробно. По нашему мнению, развитие практической российской антинаркотической политики происходит в соответствии с этой моделью, но крайне медленно. Пока только два блока из четырех представлены в антинаркотической деятельности российского государства: стратегия (цели государства) и координация (политико-правовой механизм принятия решений).

О появлении блока «стратегия» в российской антинаркотической политике стало возможно говорить с 1 апреля 1998 г., т.е. с момента вступления в силу Федерального закона РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ФЗ №3); ст. 4 этого закона так и называется «Государственная политика в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту». Напомним, что эта норма основного антинаркотического закона обязывает органы государственной власти действовать в направлении сокращения количества активных наркоманов и уменьшения наркопреступности.

О появлении блока «координация» в российской антинаркотической политике стало возможно говорить совсем недавно, в этом году, с подписанием Президентом РФ Указа №1374 от 18.10.2007 г., который создал на национальном уровне Государственный антинаркотический комитет, возглавляемый директором ФСКН России, а на региональном уровне — Антинаркотические комиссии, возглавляемые лично первыми руководителями исполнительных органов власти (как правило, губернаторами). В Положениях об этих структурах детально определен политико-правовой механизм принятия решений в области антинаркотического управления как на федеральном, так и на региональном уровнях. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сегодня в российской антинаркотической политике не хватает уже

Таблица 4

Знания	Стратегия	Координация	Лидеры (вера)
?	Ст. 4 ФЗ — №3 1998 г.	Указ №1374 2007 г.	?

только двух блоков: знания и лидеров. Схематически это показано в табл. 4.

Вот почему обсуждение проблем философии борьбы с наркоугрозой нельзя завершить, не рассмотрев проблему подготовки на основе конфликтологического (междисциплинарного) знания о наркорреальности лидеров — выпускников высшей школы, способных на основе формализованного в законе механизма координации продвигать субъекты Федерации в направлении заявленных государством в законе стратегических целей.

Подготовка нарकोординаторов

Почему все-таки в высшей школе необходимо готовить специалистов в области антинаркотической политики и управления? Если коротко, то потому что оформленная в закон политическая воля Президента РФ (Указ №1374 от 18.10.2007 г.) требует от региональных органов государственной власти реализации эффективной антинаркотической политики, а при отсутствии подготовленных в высшей школе нарकोординаторов это невыполнимо в принципе.

Мы проанализировали, как исторически сменяли друг друга представители различных профессий из тех, которые выступали в качестве антинаркотических экспертов у российской государственной власти, включая времена СССР. И установили, что сначала юристы сменили медиков, потому что наркоситуация продолжала ухудшаться. А потом психологи сменили юристов, потому что те не справились, в свою очередь, и наркоситуация еще больше ухудшилась.

И, задаваясь этим вопросом в перспективе 2010 г., мы пришли к выводу, что никто из узкоотраслевых специалистов, не понимающих все аспекты наркорреальности, не справится с этой задачей. Практика показывает, что для успеха органов власти в управлении наркоситуацией недостаточно анализиро-

вать наркорреальность только в таких понятиях, как *наркомания*, *наркопреступность (НОН)* и *наркозависимость*, являющихся производными от таких категорий, как *болезнь*, *преступление* и *поведение*. Дело в том, что наркорреальность в самой своей природе содержит противоборство и несовместимость целей множества реально действующих субъектов: политических, экономических, социальных, информационных и иных профилей.

Поэтому мы полагаем, что для успешной борьбы с наркоугрозой государству необходимо развивать блок «знания» путем введения в научно-практический оборот производного от категории *конфликт* понятия *наркоконфликт*. Схематически представленные выше рассуждения обобщены в табл. 5.

И, в конце концов, будут магистры конфликтологии экспертами у власти или нет, не самое главное. Важно, чтобы эти люди были настолько подкованы в вопросах политики и управления, в особенностях антинаркотической политики и управления, насколько фрагментарна современная наркорреальность (а она включает в себя до 20 различных аспектов).

Поэтому для объединения всех этих аспектов в «головах специалистов» необходим предлагаемый конфликтологией междисциплинарный подход, а для фокусировки всех этих подходов в одной области научного знания необходимо понятие *наркоконфликт*, а уж никак не понятие *наркотизм*. В разделе «наркоконфликтология» нашего сайта уже содержится более 30 публикаций, посвященных анализу наркоконфликтов: диссертации, дипломы, статьи, термины.

Выводы

1. Современное человечество может быть уничтожено в силу наличия глобальных проблем: ядерная война, экологические катастрофы и т.д. — или превращения в нарконаселение (например, вследствие

Таблица 5

Медики	Юристы	Психологи	Магистры конфликтологии
До 1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Болезнь	Преступление	Поведение	Конфликт
Наркомания	Наркопреступность (НОН)	Наркозависимость	Наркоконфликт

отказа государств соблюдать Конвенции ООН и возврата к эпохе «опиумных войн»).

2. Демографическое наркоуничтожение будет доминировать в тех странах, в тех регионах, где не будет эффективной антинаркотической политики, т.е. основанной на конфликтологическом анализе наркореальности, экономически оцениваемом приоритете профилактики наркомании перед ее лечением и десятикратном приоритете административного предупреждения наркопреступности перед ее уголовно-правовым пресечением.

3. В России происходит становление государственной антинаркотической политики и до высокой эффективности ей еще очень далеко, хотя совершение таких ошибок, как Постановление Правительства РФ №631 от 2004 г. «о средних разовых дозах», уже представляется невозможным по причине создания Государственного антинаркотического комитета.

4. Необходимо объективно оценивать результаты антинаркотической деятельности административно-территориального образования по совокупности показателей, непосредственно или косвенно характеризующих вклад каждого органа государственной власти (местного самоуправления) в результаты борьбы с наркоугрозами политической, государственной, экономической, социальной, информационной и иным видам безопасности на данной территории.

5. Активное участие в борьбе с наркоугрозой гражданского общества в виде сети антинаркотических общественных организаций, пусть даже настолько слабых, насколько слабо гражданское общество в современной России, крайне необходимо из-за сетевой природы наркорынка, содержащего международную составляющую, и для объективной дискуссии о состоянии наркоситуации.

Список литературы

1. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. — М.: Эксмо, 2007. — С. 134.
2. Жаринов В.М. Философские и социальные науки в таблицах и схемах. Фундаментальные системы. — М., 2005. — С. 4.
3. Там же. — С. 4.
4. Жаринов В.М. Философские и социальные науки в таблицах и схемах. Фундаментальные системы. — М., 2005. — С. 17.
5. Философия в поисках и спорах. Петербургские сюжеты / Под ред. Б.В. Маркова, Ю.М. Шилкова. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007 (Труды Центра «Интеллектуальный потенциал обновления общества». Вып. 1). — С. 35.
6. Наркотизм. Наркомании. Наркополитика: Сб. статей / Под ред. А.Г. Софронова. — СПб.: Медицинская пресса, 2006. — С. 552.
7. Там же. — С. 28.
8. Зазулин Г.В. Наркоэпидемия. Политика. Менеджмент. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. — С. 165.
9. Драпкин Л.Я., Вафин Р.Р., Злоченко Я.М., Курченко В.Н. Оперативно-розыскная, следственная и судебная практика сотрудничества спецслужб в противодействии наркотрафику как важнейшее направление в борьбе с международным финансированием терроризма // Профилактика наркомании: российский и международный опыт: Сб. материалов. — Екатеринбург: Уральский Фонд Социальных Инноваций, 2004. — С. 60.
10. Тимофеев Л.М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. — СПб., 2001. — С. 171—172.
11. Прохорова Л.М. Наркотизм. — СПб., 2002. — С. 109.
12. Тонков Е.Е. Государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 287 с.
13. Социальная стоимость наркомании в Уральском федеральном округе / Под ред. Н.Н. Иванца, А.А. Кукулина, Е.А. Кошкиной. — М.; Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. — С. 128.
14. Зазулин Г.В. Наркоэпидемия. Политика. Менеджмент. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. — С. 69.
15. Там же. — С. 81.